

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 21 de octubre de 1969

Буэнос Айрес, вторник 21 октября 1969 года № 1026

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

382. ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕВЫБОРЫ И СССР. — РАЗГРОМ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ОППОЗИЦИИ И ПОХОРОНЫ “ВЕСНЫ ГУМАНИТАРНОГО КОММУНИЗМА”. — 20-ЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО КИТАЯ. — ОТКРЫТИЕ ПАПОЙ УКРАИНСКОГО СОБОРА В РИМЕ. — ПРОВАЛ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ.

Состоявшиеся 25-го сентября очередные перевыборы бундестага Западно-Германской республики интересны для нас в двух отношениях:

1. Они показывают все несовершенство современного парламентаризма, который навязали побежденной Германии ее англо-американские оккупанты.

2. Они могут оказать влияние на взаимоотношения Германии с СССР. Германской правительством до сих пор “большая коалиция” католико-протестантских клерикалов и умеренных отказавшихся от марксизма, но не от безбожия социалистов. В оппозиции были либералы, представляющие беспринципные группы промышленников, мечтающих ценой любых политических уступок добиться советских заказов и покупок для извлечения денежных барышей.

После перевыборов христианские социалисты (клерикалы) получили в новом парламенте 241 место (в прежнем имели 245), социалисты — 225 вместо 202, либералы всего 30 против прежних 49. Отсюда ясно, что побиты именно либералы. Но нечестная парламентская игра ведется в демократиях иначе: рвущийся к власти лидер социалистов Вилли Брандт предложил коалицию проигравшим выборы либералам, чтоб иметь 255 сторонников против самой сильной партии с 241 депутатом. Из 30 либералов 26 согласны, а 4 (возможно, что их число возрастет) грозят отколом. Но и тогда 251 голос коалиции даст большинство против оппозиции в 245 депутатов: 241 христианских социалистов и 4 либералов. Вопрос решится на днях и из результата возможно сильное скольжение Западной Германии в сторону СССР и фактическое сотрудничество с коммунистическим правительством Ульбрихта. Недаром советская печать и коммунисты обеих Германий уже приветствуют Вилли Брандта, как будущего канцлера стовора с СССР и Ульбрихта. Всю ложь парламентской системы видим в том,

что избиратели отвернулись от либералов, но именно от последних зависит, кто будет канцлером: 30 либералов решают: быть ли канцлером получившему 23 новых места в парламенте В. Брандту или лидеру большинства в парламенте (хотя бы относительного) Кисингеру?

В Чехословакии идет разгром всех лидеров прежней “весны”, проводимой перекинувшимся в стан московских холопов Гусаксом: последний выступил 25-го сентября с длинным докладом, обвинявшим Дубчека в стремлении к самостоятельной политике, в потворстве теории “гуманного социализма”, в неповиновении приказам Брежнева: “Правда” от 30-го сентября печатает полностью этот гнусный доклад и вынесенные пленумом резолюции: Дубчек один оставлен в ЦК, из которого исключены все его сторонники, но ЦК обязывает коммунистическую свертнуть его с поста председателя Федерального собрания. Исключены из ЦК Смрковский, Никова и 4 его члена, пятый — Власак — исключен из кандидатов: все они “освобождены от функций” в парламенте. 17 членов ЦК, в том числе два академика — Малек и Шорм, освобождены от членства в ЦК по собственной просьбе (как в СССР Хрущев в 1964 году просил его “освободить” от всех постов во главе и партии и государства). Впрочем возможно, что в “просьбе освободить от участия в ЦК” можно видеть и осторожную антисоветскую демонстрацию, отказ от участия в дальнейшей политике Гусака. Исключены не только из ЦК, но и из партии В. Прхлик, В. Славик и А. Черный. Первый из них генерал Вацлав

Прхлик в качестве начальника политуправления вооруженных сил весной 1968 года после маневров протестовал против затянувшегося присутствия советских и других “союзнических” войск на чехословацкой территории и требовал, чтоб вооруженными силами Варшавского пакта командовали по очереди командующие союзных войск, а не исключительно советские маршалы с советским на роли начальника генерального штаба и “союзными” офицерами связи для передачи советских приказаний “союзникам”. Теперь через три дня после исключения из партии генерал арестован и предан суду. Та же участь, повидимому, ожидает Вацлава Славика, бывшего второго секретаря ЦК и ближайшего соратника Дубчека в период “весны” 1968 года и Альфреда Черного, возглавлявшего компартию Моравии, наиболее оппозиционную в отношении СССР. Не буду перечислять всех бывших сотрудников Дубчека “освобожденных от всякой партийной работы”, но не могу не остановиться на неслыханном решении ЦК, которое объявляет “незаконным” нелегальный чрезвычайный съезд компартии, созданный на одном заводе на другой день после советской оккупации и протестовавший от имени партии против вторжения советских и других войск, включая немецкую фольксарме, на территорию союзника без предупреждения его партийных и государственных вождей. Этот съезд теперь объявлен “результатом недопустимой фракционной деятельности некоторых членов ЦК, Пражского горкома партии и других правооппортунистических сил, при организации которого произошло злоупотребление делегатами чрезвычайного XIV съезда”.

Никогда в истории всех компартий ЦК не объявлял незаконным предыдущий съезд партии. Даже Сталину не приходило в голову объявлять “незаконными” предыдущие съезды партии. Он не исполнял их решений, физически истребил большинство делегатов XVII съезда 1934 года и выбранных на нем членов ЦК и Центральной Ревизионной комиссии, но формально он в ежовщину не говорил о незаконности того съезда, который поставил во главе партии, а отсюда и правительства, почти сплошь одних врагов народа: тайных троцкистов и бухаринцев.

Дубчек один остался в ЦК, как в клетке со львами, вернее с собаками, которые в любой момент по приказу Брежнева способны его растерзать. Теперь ведется такая политика: рядовых коммунистов с фабрик и заводов оккупированной страны возят по СССР, закармливают и поят допьяна, показывая “советские достижения”, а в Праге и других городах идут аресты и готовятся показательные суды. При этом идет “реабилитация” не жертв режима Новотного, но их палачей, которых якобы при Дубчеке оклеветали всякие “правые оппортунисты”. Учащаются побег из избежания ареста. Бывший директор телевидения Пеликан, обвиненный в том, что снабжал иностранных журналистов антисоветскими материалами и помогал им распространять антисоветскую литературу, успел выехать с женой в Лондон, где выступает с разоблачениями гнетущего режима подвластных оккупантам Гусака и его шайки. Так же просил политическое убежище в Австралии генеральный консул в Сиднее Карел Франч, покинувший свою квартиру в здании

ПОЧТОГРАММА

СЕРГЕЮ ВИКТОРОВИЧУ ГРОВОУ

Искренне благодарю Вас, Вашу жену и единомышленников, с Вами трудящихся и пребывающих верными Моим предначертаниям, за поздравление и благие пожелания по случаю дня Моего рождения.

В Л А Д И М И Р

28 сентября 1969 г. Мадрид.

КАК ПРЕСЛЕДУЮТ ВЕРУЮЩИХ

На Западе стал известен трагический документ, составленный в марте нынешнего года в Советском Союзе.

Перед нами копия письма, разосланного его авторами в десятки адресов, в том числе Брежневу, Косыгину, Подгорному, Генеральному прокурору Руденко, Председателю Верховного Суда Горкину, в редакции всех центральных газет, в международную организацию защиты детей. Письмо подписали 1306 верующих евангельских христиан — баптистов. Содержание письма кратко выражено в одном из первых абзацев.

“С новой силой на верующих обрушились новые гонения. Непосильные штрафы, избиения, увольнение с работы, из учебных заведений, лишение квартир, аресты отцов, мужей и, что кажется невероятным, матерей. Таков ответ на все наши жалобы к вам до сего дня. В прошлом, 1968 году, названном международным годом прав человека, арестованы и осуждены 64 человека евангельских христиан — баптистов и обездолены вновь около двухсот детей”.

Дальше на нескольких страницах излагаются поистине страшные, нечеловеческие поступки властей по отношению к детям верующих баптистов. Вот один пример, рассказ о том, как по решению суда Верхнедвинского района Витебской

области отнимали детей у верующих по фамилии Слобода.

“Дети, Галина 11-ти лет и Александра 9-ти лет, насильственно были схвачены в школе и отвезены в детдом Островно-Витебской области. Находясь два года в детском в антисанитарных условиях, дети были острижены ввиду размножавшихся вшей, у Галины загнили ноги от постоянно неприспособленной обуви и дважды болели часоткой. Наконец, дети решились, рискуя жизнью, бежать домой. 14-го января сего года в 9 часов вечера замерзшие они пришли в свой дом. На следующий день приехали с работником милиции Лебель. Когда снова приказано было одеваться, дети ухватились за родителей и дом наполнился ужасным воплем. Оставленные милиционером дети не могли прийти в себя и неистово продолжали кричать еще часа три. 22-го февраля местные власти совершили новое варварское преступление по похищению наших детей: во время третьего урока директор школы вошел в класс и вызвал Галю в учительскую, где находились секретарь парторганизации колхоза имени Жданова Салтан, дружинник Кураш и спрятавшийся за шкафом милиционер Лебель. Директор сказал Гале, что ей нужно возвратиться в детдом и тут же моментально на нее набросился из-за шкафа милиционер Ле-

бедь. Он понес ее в машину, она кричала: “Люди, люди!”, прилагая все усилия, чтобы вырваться. От этой борьбы милиционер упал, но добычу не выпустил из рук, да и куда могла убежать маленькая девочка? Одновременно из класса была введена дочь Шура фельдшером Мехальчук для принятия таблеток и внезапно была схвачена дружинником Кураш и брошена в машину. Машина тронулась, дети стали кричать, секретарь Салтан закрывал детям рот, чтобы заглушить их крик, но временами неистовый крик наводил ужас на жителей деревни. Кроме того дочь Шуру рвало всю дорогу и она еле живой была доставлена в детдом”.

Вот такими фактами заполнен этот потрясающий документ. 10 плотно напечатанных на машинке страниц. И потом еще десятки страниц с подписями. 1306 человек подписали это письмо. Они требуют: “Прекратить допросы несовершеннолетних детей, создать нормальные условия в школах, прекратить допросы и травлю, категорически запретить угрожать отнятием и отнимать наших детей”.

Вот последняя фраза письма евангельских христиан-баптистов советским руководителям:

“Мы будем молиться и мы полны решимости действовать, прижав к груди трепетные сердца своих беззащитных детей и если нужно умрем вместе с ними!” ●

Всякая литература живет противоречиями жизни, — а не ее нормальными явлениями. Всякая настоящая литература есть литература критическая. В тоталитарных режимах нет критики, но нет и литературы. Литература всегда является кривым зеркалом народной души. Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография.

Иван СОЛОНЕВИЧ

генерального консульства на Бельвью Хилл.

При настоящих условиях невольно возникает вопрос: не лучше ли было бы непримиримым врагом сталинско-брежневского коммунизма в Чехословакии прибегнуть к террору, как это они сделали в 1942 году в отношении гитлеровского наместника Гейдриха. Террором добились евреи конца британской оккупации, греческие киприоты — провозглашения независимости Кипра, марокканские монархисты — возвращенная французскими оккупантами законного марокканского султана, а самосожжения по подобию буддистских бонз с мучительной кончиной от ожогов всего тела никаких политических результатов дать не могут.

За последние недели самовластие Брежнева усиливается: читатели знают из «Нашей Страны», что в Азербейджане с 1-го августа во главе ЦК поставлен быв. председатель Комитета Государственной Безопасности Гайдар Алиев. При этом впервые с прихода к власти в октябре 1964 года Брежнева снят с руководства компартией союзной республики член ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Азербейджанской компартии Вали Юсуфович Ахундов, занимавший 10 лет этот высший в союзной республике пост и теперь смещенный на место вице-президента местной Академии Наук. До сих пор для Брежнева члены ЦК, приведшие его к власти, были неприкосновенны, а теперь он достаточно силен, чтоб при помощи КГБ с его креатурой Ю. В. Андроповым во главе и с министром охраны общественного порядка его клевретом Н. А. Щелоковым расправляется с верхушкой любой национальной компартии. Тяжесть руки Брежнева ощутима не только в Праге, но и в Баку.

По дурному примеру западной печати советская тоже стала распускать заведомо ложные слухи о параличе, приковавшем к смертному одру Мао-Тзе, и о болезни раком его преемника Лин-Пиао. В ответ на это на 20-летие провозглашения Китайской коммунистической республики были приглашены свыше сотни иностранных журналистов и работники итальянской телевизионной станции, которые передавали пекинские торжества: 30-го сентября телевизионная премьера Чжоу Эн Лая на аэродроме встречающим иностранных гостей, а 1-го октября миллионную толпу в бывшем «Небесном» городе Пекине, приветствующую совершенно здоровых Мао Тзе и Лин Пиао на трибуне совместно с премьером Чжоу Эн Лаем и главами делегаций Албании, Сев. Кореи и Сев. Вьетнама, тремя верными союзниками Мао Тзе.

Накануне на банкете в честь иностранных делегаций, среди которых выделяется президент Пакистана, Чжоу Эн Лай в задрожавшем тосте заявил, что Китай производит атомное оружие в целях самозащиты от стран, им располагающих (намек на США, которые к нему прибегли еще в 1945 году, и СССР) и перечислил пять пунктов, на которых Пекин якобы хочет сохранить мир во всем мире:

- 1) Взаимное уважение суверенитета и территориальной неприкосновенности,
- 2) Отказ от наступательных войн и вызывающих тревогу пограничных столкновений,
- 3) Невмешательство во внутренние дела иностранных государств и их политику,
- 4) Признание взаимного равенства и установление на нем экономических связей.

Чжоу пожелал Вьетнаму изгнать американцев и, добавив, что 700 миллионов китайцев являются для Вьетконга военнo-политическим тылом, обещал поддержку Китая всем справедливым освободительным войнам в Азии, Африке и Латинской Америке. Китай ни на кого сам не нападает, но любой агрессор в атомной или ведомой классическим оружием войне найдет в Китае свою могилу.

СССР не посмел прислать делегацию, но ограничился телеграммой, в которой Совет и совет министров СССР шлют поздравления и напоминают, что борьба китайского народа за коммунизм началась под прямым влиянием Октябрьской революции и имела успех благодаря поддержке советского народа и его правительства. Далее предлагается нормализация отношений и разрешение разногласий мирными средствами. Такая

политика приведет к общей победе над империализмом.

Ходят пущенные из Москвы слухи, что в советской столице идут переговоры о торговом соглашении, а войска обоих государств отводятся от границы в зонах прежних боев на реках Уссури и Амур и на границах между Китаем и советским Казахстаном. Трудно еще решить дипломатический ли это маневр или серьезная попытка сговора между двумя коммунистическими колоссами.

Советская печать помещает сведения о восстаниях в разных китайских провинциях, а пекинская печать и радио говорят на разных языках, включая русский, о растущем сопротивлении всех народов России, начиная с русского, советскому «государственному капитализму» и «империалистическому ревизионизму», измене ленинским заветам и «возвращению к колониальной политике русских Царей и Императоров».

Мировая печать отметила обращение к Римскому Папе шести советских духовных лиц и ряда оппозиционных верующих интеллигентов, среди которых называют Веру Лашкову и Юлию Вишневу, выступавших уже не раз с протестами. На этот раз авторы обращения пишут, что с 1959 по 1964 год закрыты 16 тысяч церквей и 80 монастырей, что составляет половину мест богослужения разных христианских вероисповеданий. Они просят заступиться за арестованного 12-го сентября писателя Анатолия Эммануиловича Левитина, выступающего под псевдонимом Краснова и приговоренного месяца тому назад его друга 60-летнего преподавателя математики в Кирове (поясняют, что город раньше назывался Вяткой) Бориса Владимировича Талантова. Последнего осудили на два года заключения за «распространение лживых и клеветнических сведений, очерняющих социальную структуру советского государства».

Ватиканская печать не сообщает: будут ли предприняты шаги в их защиту.

27-го сентября кардинал Иосиф Слипы осытил в 10 километрах от Рима украинский собор Святой Софии — Премудрости Божией, выстроенный итальянским архитектором Мацин по образцу Киевского Софийского собора. На торжестве съехались из Нового Света и Западной Германии тысячи богатых украинцев с униатскими архиепископами Амвросием Семшиным из Филадельфии и Германюком из Виннипега. На другой день собор посетил Папа, торжественно встреченный кардиналом Слипы и сенмом украинского духовенства из всех стран рассеяния.

В самом соборе Папу ждали 8 кардиналов во главе с их старшиной Тиссераном, дипломатический корпус и монсеньор Арриги от лица Виллебрантса. Последнее весьма знаменательно: кардинал Виллебрантс, поддерживающий тесные отношения с Патриархией и его помощник по сношениям с православными, все отцы Руссикума, едущие в СССР, отсутствовали. Арриги же ведет сношения с протестантами, а потому мог появиться на этом антимосковском и антиправославном торжестве.

Папа сначала поклонился частицам св. мощей Климента, Папы Римского, утопленного в конце первого века под Херсонесом, куда был сослан. Это был четвертый Папа, мощи которого привезли в Рим св. Кирилл и Мефодий много веков спустя. Перенос мощей в Украинский собор поясняют тем, что он мученически пострадал на Украине.

Кардинал в приветствии Папе сказал, что в Ветхом Завете восхваляется Соломоном Премудрость Божия и о ней же говорит Апостол Иоанн: «в начале было Слово».

Премудрость человека почитали Вавилон, Египет, Эллада и Рим. Соломон просил у Бога не богатства, а Премудрости. Ей воздвигнут Собор в Византии императором Юстинианом, затем Собор Св. Софии в Киеве, столице «Руси-Украины». Кардинал умолчал, что слово Украина означает окраину чего-то другого. то есть Руси. Затем он рассказал, как «украинский» князь Ярослав Мудрый открыл библиотеку и семинарию при этом выстроенном «украинском» князем Владимиром Соборе и издал кодекс, который назвал «Русская Правда». Кардинал, зная невежество слушателей, не объяснил, почему кодекс законов украинского князя назван «Русской», а не «Украинской» Правдой. Он говорил, что в 1147 году митрополит Киевский, украинец Климент Смолятич при хиротонии был благословен черепом Св. Папы Кли-

мента. Неясно было, почему при перенесении св. мощей Климента в Рим в девятом веке череп оказался в XII веке в Киеве. После монгольской оккупации украинская культура процветала лишь на Западе при короле Даниле и его брате Василько. Говоря о митрополите Петре Могиле и князе Острожском, кардинал умолчал, что оба были православными. Затем он с грустью говорил о русской и австрийской оккупациях, разделенных Украину. Славные традиции украинских университетов теперь усиреснут в римском богословском университете с его богатой библиотекой в подчинении Папе. Он просил, чтоб украинские епископы всего мира были подчинены через своего кардинала Св. Престолу, не подчиняясь иерархии тех стран, где находятся их епархии.

В ответной речи Папа назвал его митрополитом Львовским (он добивался титула Киевского и Галицкого, но против этого протестовала Московская Патриархия, с которой Ватикан очень считается). Папа вспомнил, что перед молящимся св. мощи Папы Климента, третьего преемника апостола Петра, упоминаемого апостолом Павлом в послании к Филиппийцам, который, по преданию, утоплен в Херсонесе Таврическом (т. е. не на Украине). Затем говорил о том, что свв. Климент и Кирилл, почивающие оба в базилике св. Климента, связуют украинцев с Римом. Осторожно упомянул, что князь Владимир был Крестителем и основателем христианства в огромных восточных областях Европы. Так Папа избегал упоминания Руси или Украины и не уточнил, какую христианскую веру принял наш Равноапостольный князь, оказавшийся теперь украинцем. Затем Папа выразил совместное с Восточной конгрегацией удовлетворение по поводу воздвижения на римской земле столь грандиозного украинского храма с новым католическим университетом, который займется в первую очередь изучением украинской истории и культуры, говорил об уважении к кардиналу Слипы, достойному преемнику архиепископа Андрея Шептицкого, с которым Папа познакомился в далеком 1923 году. Папа воздал благодарение своему предшественнику Папе Иоанну XXIII, добившемуся освобождения кардинала Слипы из многолетнего заключения и пожелал, чтобы его местопребывание в Риме было спокойным и плодотворным и для Рима примером верности Христу и Его Церкви.

Досушая римская печать пустила легенду, что по смерти патриарха Сергия Старгородского советское правительство предлагало митрополиту Иосифу Слипы стать Патриархом Московским и всея Руси, если примет православие, он якобы отказался, сохранив таким образом верность католичеству и Украине, за что был приговорен к 25 годам концлагеря. Патриархом же стал Алексей Симанский.

В Бейруте 30-го сентября разыгрался небывалый дипломатический скандал: желая похитить один из шести ливанских военных самолетов типа «Мираж» (французский самолет с интересующими советскую разведку особенностями мотора) первый секретарь советского посольства Александр Хомяков при помощи инженера торгпредства молодого Владимира Васильева предложил уволенному пять лет назад из военной авиации Гасану Бедави найти авиатора, который взялся бы за сказочное по размерам вознаграждение вылететь из военного аэродрома под Бейрутом в Баку на таком самолете. Бедави нашел военного летчика, который, поторговавшись о гонораре, согласился это сделать, сообщив обо всем контрразведке и потребовав от советчиков крупную сумму авансом «на заправку аппарата горючим». Васильев нанял комнату на окраине на шестом этаже невзрачного дома, где должны были передать летчику деньги, но когда туда явились Васильев, Хомяков и Бедави, вошла полиция. Поняв, что тут не отделаешься дипломатическим паспортом Хомякова, оба советчика открыли огонь из револьверов и ранили полицейского и командовавшего патрулем офицера. Полицейские отстреливались и ранили тремя пулями Хомякова (одна попала в желудок) и легко в руку выпустившего револьвер Васильева. Бедави дал себя схватить, как и Васильев, но Хомяков пытался выбраться из окна шестого этажа. Его удержали полицейские и положили в автомобиль скорой помощи. При этом вырвали у раненого пилоту с цианистым калием, которым он пытался отравиться

О ТОМ, КАК И ПОЧЕМУ ЖУРНАЛ "ОКТЯБРЬ" НА ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ВЫШЕЛ

Несколько лет назад в «Правде» была опубликована статья, где подверглись критике два советских литературных журнала, вокруг которых поляризовались соответственно наиболее честные, мыслящие, талантливые и наиболее косные, реакционные, бездарные представители подсоветской литературы — «Новый мир» и «Октябрь». Сама композиция статьи, написанной по принципу «двум сестрам — по серьгам» должна была подчеркнуть олимпийскую справедливость вершителей судеб советской культуры, одергивавших одновременно, так сказать, и крайне левых и крайне правых. Однако уже в том выступлении «Правды» истинные симпатии и антипатии кремлевских ценителей изящной словесности легко обнаруживались в той едва сдерживаемой злобе, с какой говорилось об идейных изъятиях позиции «Нового мира», и в той отеческой снисходительности, с какой журли не в меру шустрых шалунишек из «Октября».

В последнее время все точки поставлены над «i» ясно и недвусмысленно. «Новый мир» подвергается систематической травле, тон обвинений и их характер становится все более угрожающим, налицо — тщательно продуманная и получившая широкий размах кампания на уничтожение.

И одновременно «Советская Россия» выступает с хвалебной одой по адресу журнала «Октябрь», озаглавив ее в лучших традициях советской фронтовой терминологии — «На переднем крае». При всем желании автор статьи не в состоянии похвалить отделы прозы и поэзии, где неизменно царит дух обретающего гротескные формы графоманства. Зато он приходит в неистовый восторг, рецензируя материалы, печатаемые по разделу очерка и публицистики. Еще бы! Во-первых, «Октябрь» регулярно предоставляет свои страницы для литературных упражнений высоких партийных сановников, к примеру, первых секретарей Московского и Челябинского обкомов Конотопа и Радионова; публикует мемуары главного маршала авиации Голованова, где с прочувствованным умилением рассказывается о том, каким непогрешимо мудрым вождем и великим человеколюбом был Иосиф Виссарионович Сталин. Во-вторых, «Октябрь» бдительно следит и смело нападает на малейшее поползновение усомниться в идеальности советской действительности. Короче говоря, журнал «Октябрь» рекомендуется читателю как наиболее волнующее и поучительное чтение. Что ж, каждым современником своей литературный рупор... ●

в автомашине. Советскому посольству послана резкая нота протеста, в которой указано, что у Хомякова найден чек на 200 тысяч долларов, подписанный 29 сентября, по которому летчик по доставке самолета в Баку получил бы деньги наличными из Внешторгбанка. Кроме того при нем найдены наличными 2.500 долларов, которые летчик лейтенант авиации Махмуд Матар должен был в тот вечер получить авансом.

Советский посол, узбек родом (родился в 1923 г., кандидат филологических наук, министр инстр. дел Узбекистана в 1959-62, с 1962 по май 1969 года также зам. председателя совета министров Узбекской ССР) Сарвар Алимджанович Азимов, посол в Бейруте с 20 мая с. г., заявил, что оба советчика попали в западную американской разведки, стремящейся рассорить СССР с Ливаном в интересах Израиля и потребовал их освобождения. Ему через день вернули Владимира Васильева с рукой на перевязи и он в сопровождении советских чекистов с дипломатическими паспортами вылетел в Москву. Хомяков будет освобожден из военного госпиталя, где находится под стражей, как только оправится. Послу сообщили, что приняты все меры, чтоб он не мог покончить с собой, на что покушался дважды при аресте.

Ливанской печати запрещено писать об этом в интересах следствия, которое ведет военная прокуратура. Бедави содержится под строгой изоляцией и ему грозит пожизненное заключение, а Матар награжден за смелость и неподкупный патриотизм, помогиший поймать с полчищем наглых советских шпионов, которые отважились на попытку украсть военный самолет. Алексей Ростов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОБЩЕСТВО МИРЯН

Нам пишут из Сан Франциско:

Общее собрание членов просуществовавшего здесь несколько лет Русского Православного Общества Мирян в Америке постановило изменить устав Общества и переименовать его в Русское Благотворительное Общество.

В опубликованном газетой «Русская Жизнь» сообщении об этом переименовании сказано, что Общество намерено оказывать помощь приходам, монастырям, школам, национальным, патриотическим и юношеским организациям, домам для престарелых и, в индивидуальном порядке, старикам и детям.

Постановление о переименовании Общества соответствует пожеланиям русской православной общественности в Соединенных Штатах, относившейся отрицательно к некоторым случаям вмешательства Общества Мирян в вопросы церковного управления.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР

Нам пишут из Нью Йорка:

В здании Архиепископского Синода Русской Православной Церкви за границей, под председательством архиепископа Никона, состоялось второе заседание предсоборной комиссии, образованной для подготовки назначенного на осень 1971 года третьего Всезарубежного Церковного Собора с участием представителей клира и мирян.

ТРИДЦАТИЛТИЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Журнал «Наши Вести», орган Союза чинов Русского Корпуса, отметил 30-ю годовщину возникновения второй мировой войны статьей С. Л. Войцеховского, в которой сказано, что «мир, в котором мы живем, не похож на тот, которому Гитлер нанес ударом на Польшу сокрушительный удар».

«Германия, — написал автор статьи, — заплатила за эту войну потерей значительной части своей территории, разделом остальной и зависимостью двух новых германских республик от Вашингтона и Москвы, но как ни значительна с немецкой точки зрения эта катастрофа, она второстепенна по сравнению с тем, что пришлось на долю всего человечества».

«Война созданием нового оружия, — сказано в статье, — вызвала технологи-

ческую революцию, оказавшуюся перевернутой во всех довоенных представлениях о науке и технике. Снаряд, опустивший американских космонавтов на Луну — прямой потомок ракет, которыми Германия обстреливала с европейского материка Лондон. Современные интерконтинентальные баллистические ракеты, из которых каждая может взорвать над территорией противника не одну, а несколько ядерных головок — прямые наследники первой атомной бомбы, разрушившей Хиросиму».

Указав и на другие «технические чудеса», рожденные во время войны в тайных военных лабораториях Европы и Америки, С. Л. Войцеховский прибавил: «От последствий других войн то, что произошло в науке и технике во время и после второй мировой войны, отличается не только размахом, но и темпом. Нельзя закрывать глаза на то, что эта перемена создала новое, небывалое положение... Человек получил в руки оружие, которое в руках безумца или фанатика может уничтожить если не всю, то значительную часть человеческого, животной и растительной жизни. Не менее опасны производимые кое-где опыты механического воздействия на психику, подчиняющие человека воле власти, партии или другой организованной силы».

Говоря о России, автор статьи написал, что она «втянута в войну конфликтом между агрессивной диктатурой Гитлера и не менее агрессивной диктатурой Сталина, испытала все последствия военных лет, выпавшие на долю остального мира, но, вследствие особого положения нашего отечества, захваченного коммунистами, ей пришлось пережить и другие испытания и перемены».

К ним автор статьи отнес, прежде всего, «катастрофические демографические потери 1941-1945 г. г., от которых население России до сих пор не оправилось».

Он объяснил эти потери господством коммунизма над страной, написав:

«С одной стороны, коммунистическая власть смогла одержать военную победу над Германией только ценой беспощадной траты живых сил народа. С другой стороны, первоначальное нежелание народа за эту власть сражаться, ослабленное позже безумным отношением национал-социалистов к «низшей расе», также отразилось массовыми сдачами в плен, гибелью военнопленных и добровольным или вынужденным исходом русских людей на Запад, на численности населения».

Это следствие войны ослабило русский народ, но оно не было единствен-

ным. Иноземное вторжение заставило коммунистов временно ослабить тяготеющий над народом гнет. Оно заставило их временно пойти на уступки верованиям и патриотизму русского народа. Хотя после победы над Гитлером это уклонение от правоверного марксизма-ленинизма было постепенно ликвидировано, власть не смогла полностью вернуться к «прежнему подавлению всех проявлений живой и свободной мысли. Пусть ее ростки еще недостаточно многочисленны и крепки, но они существуют и это прямо связано с тем, что России пришлось пережить в годы второй мировой войны».

В заключительной части статьи сказано, что «для русской эмиграции война была испытанием ее непримиримости к коммунистическим поработителям России».

«В своем подавляющем большинстве, — написал автор статьи, — русские эмигранты выдержали это испытание с честью. Русский Корпус и казачество сделали это с оружием в руках. Другие, в крайне трудной и неблагоприятной обстановке, словом или делом доказали свою верность антикоммунизму, как неизбежной основе русской национальной политики... Доказательством их правоты была подтвержденная войной пропасть между захватчиками власти и народом. Русская Освободительная Армия генерала А. А. Власова не могла вследствие ослепления западных противников Германии повлиять на исход борьбы, но она останется в истории доказательством готовности народа поднять оружие на узурпаторов. Просоветские настроения некоторых русских эмигрантов во Франции и в Америке, вызванные оппортунизмом или непониманием действительного облика коммунизма, рассеялись скоро и не причинили стойкому антикоммунизму большинства сколько-либо заметного ущерба».

«Как и в день начала второй мировой войны, — написал С. Л. Войцеховский, — мы, русские эмигранты, остаемся непримиримыми противниками коммунизма во всех его проявлениях. Мы как и тогда отвергаем право коммунистов на управление Россией. Как и тогда мы осуждаем осуществляемое ими подавление веры и духовной свободы, насаждаемое ими бесправие и подчинение нужд народа интернациональной социалистической революции. Мы знаем, что только освобождение России может предотвратить события, угрожающие миру тяжчайшими испытаниями. Вознося в наших храмах молитвы о мире всего мира, мы знаем, что этот мир без свободной России невозможен».

ДОКУМЕНТ УЗАКОНЯЮЩИЙ БЕЗЗАКОНИЕ

(КРС) «Тюрьма — не теща, пирогами не угостит!» Особенно если тюрьма — советская. И все же... И все же, читая газеты то ли «Правду», то ли «Известия» от 12-го июля, где опубликованы «Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и Союзных республик», делается как-то не по себе. Документ этот можно бы назвать документом, узаконяющим беззаконие. Ценность его, пожалуй, только в том, что в нем, с какой-то откровенной циничностью и даже с некоей долей смакования, говорится о том, что существовало в социалистических местах заключения уже с 1918 года. С этим знакомы были в основном только те, кого судьба заставляла пройти через все круги коммунистического «исправительно-трудового» ада.

Теперь «круги этого ада» — тщательно описаны и изложены в «Основах исправительно-трудового законодательства». Дескать, читайте, граждане, и трепещите, ибо, как говорил в своем докладе председатель комиссии законодательных предложений Нишанов:

«Борьба за перевоспитание лиц, совершающих опасные для общества преступления, нарушающих правила социа-

листического общежития и не желающих приобщаться к честной трудовой жизни, должна вестись, как учил Владимир Ильич Ленин, не только пропагандой и агитацией, но и принуждением. «Всякая слабость, всякие колебания, — указывал он, — всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом»».

Кстати, напомним, что это ленинское изречение, занесенное на огромнейшие красные полотнища, развешивалось при входе в любой концентрационный лагерь сталинских времен. Оно, как утешение, встречало любого арестанта уже в коридоре даже районного отделения НКВД. Ленинское: «не сентиментальничать» — возводило чуть ли не в закон избивания следователями подсудимых заключенных. «Не сентиментальничать», — а ломать ребра, «не сентиментальничать», — а не давать подсудимому по трое суток спать, стоять часами по колени в ледяной воде. Насильно кормить солеными и протухшими селедками и после этого сутками не давать ни глотка воды. Вот, что значило ленинское «не сентиментальничать» при Сталине.

И вот снова всплывает это страшное слово «не сентиментальничать». Напомним, что приводимая депутатом Верховного Совета СССР Нишановым, цитата из Ленина была произнесена последним в годы становления сталинской власти. Внешне, принятые Верховным Советом, «Основы исправительно-трудового законодательства» направлены будто бы на воспитание и перевоспитание уголовных преступников. Но это только внешне. Воры, рецидивисты, растратчики, взяточники, убийцы и многие прочие преступ-

ники против социалистического общежития, которые подлежат или заключению в тюрьмы или пребыванию в исправительно-трудовых колониях строгого режима — фактически играют роль только антуража. Основными, так сказать, солистами в этих строжайших местах заключения будут лица, которых «основы исправительно-трудового законодательства» скрывают под невыразительным псевдонимом: «особо опасные государственные преступники».

Как известно «особо опасными государственными преступниками» суд называл писателей Снявского и Даниэля, Гинзбурга и Лашкову, историка Мороза и художника Заливаху, рабочих Марченко и Дремлюгу. Особо опасными, в количестве тысячи человек, заселена колония строгого режима в Потье. А там 90% не воров, не рецидивистов, не растратчиков государственного имущества, не грабителей и убийц, а советских людей с учеными степенями, с инженерскими дипломами, со студенческими билетами, с долголетними рабочими стажками и... с собственными мыслями. И вот, эти самые собственные мысли — собственное видение мира и превратили их в «особо опасных государственных преступников».

О принятых «Основах исправительно-трудового законодательства» можно бы многое сказать. И, пожалуй, о них и сказано уже многое. Мы же только скажем: узаконение основ это узаконение беззаконий. Это узаконение методов убийства в человеке ЧЕЛОВЕКА. Превращение человека в механического исполнителя воли правящих и господствующих. А потому просто кощунственно звучат слова одной учительницы, депутата Верховного Совета, когда она говорит: «Весь строй жизни советского общества по природе своей глубоко человечен».

БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «БЕЛЫХ ПЯТЕН»

(Осетинско-Русские лексические связи)

Лингвистика — сравнительно новая наука, однако, имеющая перед собой огромные перспективы. С помощью лингвистических исследований теперь устанавливаются взаимное влияние разных культур и народов друг на друга. Темные места в истории освещаются с помощью лингвистических исследований, а исследования в топонимике открывают пути движения народов и их взаимные связи.

Этимология русского языка — наука занимающаяся изучением происхождения слов — в русском языке оставила еще много «белых пятен».

Дело в том, что внимание ученых было направлено, главным образом, в сторону изучения влияния на русский язык языков западной Европы. Это было и вполне понятно: европейские языки были прекрасно известны нашим ученым, в то время как языки Востока были известны гораздо меньше, а некоторые из них вообще прошли как-то мимо внимания лингвистов.

Так получилось и с осетинским, а отчасти и с персидским языками.

И вот теперь это упущение отчасти исправлено: сейчас в гор. Сан Антонио в Техасе в издании Тринити Университета вышла небольшая книга профессора русского языка д-ра Алана Иристонна под интригующим заглавием «Осетинско-Русские лексические связи».

В этом своем, чрезвычайно интересном труде, доктор Иристон, по происхождению осетин, а по обстоятельствам своей судьбы проведший почти 28 лет в Персии и прекрасно владеющий персидским языком, дал исчерпывающие объяснения ряду русских слов, которые в прежних этимологических словарях (Преображенского, Фасмера и др.) имели пометку «неизвестные», или им было дано неверное объяснение.

Теперь проф. Иристон вполне обоснованно и наглядно объясняет происхождение этих слов от осетинского или персидского языков.

До сих пор считалось, что древняя Русь, почти не имела сношений с Персией и, что влияние персидского языка на русский было мнимым. Но, из исследований д-ра Иристонна мы видим, что это совсем не так. Зачастую ученые отбрасывали логическое объяснение происхождения того или иного слова из какого-либо пространственно-отдаленного языка, считая, что в древности связей на таких расстояниях быть не могло. И вот д-р Иристон приводит интереснейшее опровержение:

«Есть в Сибири довольно большая река Тавда, которая сливаясь с рекой Тобол, впадает в Иртыш. На реке Тавде расположен и город Тавда. Слово тавда — чисто осетинское (дигорский диалект), обычное слово и не подлежит сомнению. Но с другой стороны мы хорошо знаем, что здесь никогда не жили иранские племена. Территориальной близости не было, но, тем не менее, слово тавда — осетинское».

Затем д-р Иристон дает объяснение происхождению ряда, казалось бы, чисто русских слов, как вертеп (искусственная пещера), ворожба, голос, корм, корж, мишень, изьян и многие другие.

Вышедшая книга д-ра Иристонна, только первая часть задуманного им большого труда о русско-осетинских и русско-персидских лексических связях. Этой своей работой д-р Иристон открывает совсем новую область в изучении истории русского языка и несомненно она должна заинтересовать каждого, изучающего русский язык.

Отдельные отрывки из работы д-ра Иристонна уже появились и в журнале «Русский язык» (изучение и преподавание), издающемся Мичиганским университетом под редакцией проф. Владимира И. Гребенщикова.

Цена книги д-ра Иристонна — 3.00 доллара и ее можно выписывать из книжного магазина Тринити университета в Сан Антонио, Техас.

Trinity University, San Antonio,
Texas 78212, Box 58,
715 Stadium Drive, U.S.A.

Б. Ганусовский

Продается
РУССКИЙ КНИЖНЫЙ
МАГАЗИН

Всештатная и заграничная
клиентура. Дело на ходу.

443 Balboa Street, San Francisco,
Calif. 94118, U.S.A. Tel. SK 2-5769

Людмила Келер

(Окончание)

ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

(“Листья Дуба” Г. В. Метельского)

Дальше автор переходит к размышлениям о судьбе старинных книг, в частности из библиотеки известного местного врача П. Мезерницкого. У него в доме, так же как и в других интеллигентных семьях Стародуба было много старинных книг. Автор вскользь замечает, что “много, понятно, погибло от времени” и рассказывает, как он сам нашел в одном селе вблизи от города две редчайшие книги: “Они лежали на лавке в нежилой комнате среди сваленных в кучу растрепанных современных задачников и грамматик. Одна из книг мне показалась с виду особенной. Изъеденный мышами переплет, кожаный корешок, квадратный формат. Я взял ее в руки и ахнул. Книга была рукописная, Неизвестный переписчик, экономя бумагу, тесно прижимал одну неразборчивую строку к другой. На первой странице он вывел славянской вязью: “Житие Святейшего Никона, Патриарха Московского и Всея Руси” (стр. 62). Автор высказывает догадку, что книга эта была написана старообрядцами, так как в к тому времени книги уже печатались, а в этой местности старообрядческие поселения не редкость. Книга досталась ему даром; равнодушный хозяин только прибавил: “Возьмите, коли нравится. Все равно крысы съедят”. Счастливым автор хотел уже поскорее скрыться с находкой “как вдруг заметил еще одну, переплетенную в обтянутую кожей доску. Книга была величественна и огромна, как Евангелие. Нумерация страниц отсутствовала. Я приложил ладонь к обрезу: книга оказалась толще. Из-за того, что титульный лист не сохранился, название удалось установить не сразу. Это был редчайший “Камень веры” митрополита Стефана Яворского, напечатанный в 1728 году в Киево-Печерской Лавре. Каждая глава начиналась гравюрой, резаной на меди”. И эту книгу отдал ему хозяин. Итак, две книги спасены, а сколько погибло?

В дальнейшем Г. Метельский предпринимает несколько путешествий в глубь района; в частности один из маршрутов он намечает таким образом: “Из Погара не в труд добраться до Белой Березки, что лежит в нескольких километрах от Украины, а оттуда уже по Десне можно плыть до Брянска, а то и дальше, в самый северный куток области, что в бывшем Рогнединском районе”. Тут автор добавляет: “Вот я говорю “в бывшем” и опасуюсь. А что, если не в бывшем? Что, если к тому времени, как выйдет книжка, снова произойдут изменения и этот район опять появится на карте? Уж больно любят у нас перекраивать границы колхозов, сельсоветов, районов, а то и областей... Но это между прочим” (стр. 67). Тут, конечно, не грех вспомнить старика-Крылова с его басней о музыкантах. К этой теме перекраивания автор тоже возвращается не раз; и вот какой вывод напрашивается из этих мероприятий: в районе появляется колхоз, который работает лучше других. К нему немедленно пристегивают отстающее хозяйство, колхоз сходит с первого места, тогда его “разукрупняют” и... все повторяется сначала. О том, как все эти мероприятия отражаются на сельском хозяйстве “плановики” из центра заботятся меньше всего.

Отправляясь в дорогу, автор естественно касается вопроса транспорта. И тут мы узнаем, что вплоть до второй мировой войны в городе были ломовики

и извозчик. Перед самой войной появились колхозные грузовики, и, добавляет автор, “ежели шофер попадался сговорчивый, то за известную мзду брался доставить приезжих до места назначения” (стр. 68).

Наконец Стародуб был ошастливлен появлением автобусов; автор думает, что первые появились в пятьдесят седьмом году. Это были старые, шестнадцатиместные машины, состарившиеся в каком-нибудь городе побольше. Тут им предстояли еще большие трудности: набивалось в них и по тридцать человек с корзинами и всякой живностью. О дорогах и говорить нечего. Один сотрудник стародубской газеты, который подвозит автора, довольно выразительно замечает: “Дороги у нас, как при Владимире Монамахе”. Тут автор делает небольшое отступление и приводит справку, что сам Монамах (который, кстати, подолгу жил в Стародубе) совершал путешествие из Киева в Чернигов “от конца утренней обедни до начала вечерней”. Приняв во внимание расстояние и время, Г. Метельский приходит к выводу, что Монамах делал около двадцати верст в час и прибавляет: “Нас везет ГАЗ-69 последнего выпуска, но движемся мы не намного быстрее Монамаха. Машина дышет жаром, подпрыгивает, пассажир на заднем сиденье стучается головой о крышу и громко радуется, что крыша не из чугуна. Миша начинает петь “Эх, дороги, пыль да туман”.

Не так давно брянские статистики вывели, что в области заасфальтировано меньше десяти процентов дорог, сейчас, конечно, больше (все-таки дороги строят!), но все равно очень мало. Другие специалисты — метеорологи — подсчитали, что весенняя и осенняя распутица продолжается круглым счетом сто дней в году. Сто дней девять десятых всех дорог области превращается в земляное месиво. Что это, от бедности? Нет, главным образом — от невнимания к людям” (стр. 178). Не забывает автор также упомянуть завод дорожных машин в Брянске; машины, выпускаемые этим заводом, работают на Кубе, в Аргентине, Гвинеи, Индонезии, Ираке и в других странах. Вот только на собственный район брянских машин не хватает... Все это, повидимому, вехи на том пути, на котором Советский Союз думает обогнать Соединенные Штаты. Я думаю, что лучше бы там равнялись по Мексике, это было бы более в духе “реализма”.

Автор еще сообщает много интересного о транспорте: о битвах у окошечка кассы в базарные дни, где соблюдение очереди считается анахронизмом, где нет милиции и где “рождаются не зарегистрированные никакими спортивными комиссиями рекорды по вольной борьбе как у кассы, при покупке билетов, так и позднее, при втискивании в автобус” (стр. 69).

Теперь о “реализме”; как бы мимоходом автор рассказывает такой эпизод. Он поехал в поселок “Белая Березка” и посетил там директора деревообрабатывающего комбината. Так вот, при первом же знакомстве директор “говорит без улыбки:

— Если вы напишете что-либо плохое о нашем поселке, мы вас съедим” (стр. 74). Такая перспектива автору, конечно, не улыбается и он обещает писать только хорошее. Конечно, директор потом пытается обратить все это в шутку, но впечатление угрозы это не уменьшает. Можно предположить, что подобные предупреждения вообще не редкость из уст советских сановников, а потому ясно, что иногда автору приходится писать с “оглядкой” не только на цензуру вообще, но еще и на местные самолюбия.

Г. Метельский останавливается с любовью на прошлом старинного Трубчевска, подробно описывает старинный Троицкий собор и усыпальницу кня-

зей Трубчевских: “Я трогаю холодные камни саркофагов. Их пятнадцать. 1520, 1546, 1561, 1602 годы... Под плитами кости тех, кто защищал Россию от шведов, ходил на Финляндию, воевал с Крымом, рубил ливонских рыцарей и был “сидячим боярином” на свадьбе Ивана Грозного и Марии Нагой. Тут соратники Ивана III, Бориса Годунова, удельные князья, воеводы, наместники, “блосители царского престола...” (стр. 87). Какие сдвиги в отношении к историческому прошлому и к представителям одной из лучших русских фамилий: было время, когда за принадлежность к подобному роду без всяких околичностей ставили к стенке.

Сейчас, однако, Троицкий собор в Трубчевске “взят на учет и под охрану государства”. В нем даже производятся реставрационные работы.

Долго останавливается Г. Метельский на гордости Брянской области, на знаменитых лесах. Но и тут утешительного мало. Одно из бедствий, которое он описывает — стихийное; в начале шестидесятых годов прошел здесь циклон и образовалась “мертвая плтоса завалов”. Другое, и более постоянное бедствие, неумелое хозяйничанье: “... к этому зеленому богатству мы относимся не по-хозяйски. Мы рубим сейчас бор, насаженный еще при крепостном праве, и рубим его нещадно, не думая о будущем, по неумной, вредной поговорке “на наш век хватит”. А хватит ли даже на наш век? Брянские леса вырублены на шесть лет вперед, а хвойные — на все пятнадцать. Мы ежегодно вывозим с лесосек в полтора-два раза больше, чем за то же время успевают воспроизвести природа” (стр. 94). Слова эти были сказаны автору начальником областного управления лесного хозяйства. И Г. Метельский тревожно замечает, что в Брянских лесах в изобилии представлены машины для рубки леса. А вот как он описывает посадку леса: “Идут рядком несколько вооруженных ломниками девки. Они с силой загоняют ломки в землю, нажимают чуть на себя, от себя, вытаскивают и в образовавшиеся ямки втыкают саженцы — будущие деревья. Ломик имеет специальное название — меч Колесова, русского лесоведа, предложившего этот инструмент более ста лет назад. С той поры и до наших дней это, прямо скажем, не очень замысловатое орудие труда остается главным, а порой и единственным в руках лесоводов” (стр. 96). И автор с горечью бьет тревогу о судьбах Брянского леса, справедливо отмечает, что мелеют реки в этом краю, что образуются овраги. Есть, конечно, и на местах люди, которые относятся к сохранению лесного богатства с бережливой благоговейностью. Посещение участка одного из таких — лесника Ильи Демьяновича Вокина автор подробно описывает. Но такие люди — исключение, да и не они решают будущее в крупном масштабе. А Г. Метельский продолжает бомбардировать читателя цифрами и подсчетами, далеко не утешительными. Он приводит такие данные: на правом берегу Десны осталась лишь половина лесов, росших там в 1914 году. И опять задает автор недомысленные вопросы: “Как же так? Ведь сколько произнесено за эти годы пламенных речей, сколько написано статей, снято кинолент, сделано экономических подсчетов в защиту наших лесов и рек, в защиту природы, и вдруг выясняется, что в водоохранной — неприкосновенной! — зоне на Десне из каждых двух деревьев уцелело одно!” (стр. 111-112). И опять приходит в голову Крылов: “а воз и ныне там”.

В деревнях слышит автор “байки” о Десне, о Днепре, как “Бог всем рекам судьбу определил...”. С признательностью упоминает он “умного рус-

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 67

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Так разве есть место милей, чем где провел ты такую ночь?

И вот в ту ночь он опять надеялся и верил, хоть столько раз урекался отвыкнуть.

После лагеря нельзя было назвать ссыльный мир жестоким, хотя и здесь на поливе дрались чекменями за воду и рубали по ногам. Ссыльный мир был намного просторней, легче, разнообразней. Но жестокость была и в нем, и не так-то легко было напитать стебель. Еще надо было извернуться, чтоб комендант не засыпал в пустыню глубже километров на полтора. Еще надо было найти глино-соломенную крышу над головой и что-то платить хозяйке, а платить не из чего. Надо было покупать ежедневный хлеб и что-то же в столовой. Надо было работу найти, а, намахавшись киргой за семь лет, не хотелось все-таки брать чекмень и идти в поливальщики. И хотя были в поселке женщины уже с мазанками, с огородами и даже с коровами, вполне готовые взять в мужья одинокого ссыльного — продавать себя в мужья мнилось тоже рано; ведь жизнь как будто не кончалась, а начиналась.

Раньше, в лагере, прикидывая, скольких мужчин не достает на воле, уверены были арестанты, что только конвоир от тебя отстанет — и первая женщина уже твоя. Так казалось, что ходят они одинокие, рыдая по мужчинам, и ни о чем не думают о другом. Но в поселке было великое множество детей, и женщины держались как бы наполненные своей жизнью, и ни одинокие, ни девушки ни за что не хотели так, а обязательно замуж, по-честному, и строить домик на виду поселка. Уш-терекские нравы уходили в прошлое столетие.

И вот конвоиры давно отстали от Олега, а жил он все также без женщины, как и в годы за колючей проволокой, хотя были в поселке писанные воронье гречанки и трудолюбивые светленькие немочки.

В накладной, по которой прислали их в ссылку, написано было *на в е ч н о*, и Олег разумом вполне поддался, что будет навечно, ничего другого нельзя было вообразить. А вот жениться здесь — что-то в груди не пускало. То свалили Берю, с жестяным грохотом пустого истукана — и все ждали крутых изменений, а изменения проползли медленные, малые. То Олег нашел свою прежнюю

подругу — в красноярской ссылке, и обменялся письмами с ней. То затеял переписку со старой ленинградской знакомой — сколько-то месяцев носил это в груди, что она придет сюда. (Но кто это бросит ленинградскую квартиру и придет к нему в дыру?). А тут выросла опухоль, и все розняла своей постоянной необоримой болью, и женщины уже не стали ничем привлекательнее просто добрых людей.

Как охватил Олег, было в ссылке не только угнетающее начало известное всем, начиная с Овидия, не из опыта, так из литературы (не та местность, которую любишь; не те люди, которых бы хотелось), но и начало освобождающее, мало известное; освобождающее от сомнений, от ответственности перед собой. Несчастны были не те, кто посылался в ссылку, а кто получал паспорт с грязной 39-й паспортной статьей и должен был, упрекая себя за каждую оплошность, куда-то ехать, где-то жить, искать работу и отовсюду изгоняться. Но полноправно приезжал арестант в ссылку: не он придумал сюда ехать, и никто не мог его заставить отсюда ехать и никто не мог его отсюда изгнать! За него подумало начальство, и он уже не боялся упустить где-то лучшее место, не суетился, изыскивая лучшую комбинацию. Он знал, что идет единственным путем, и это наполняло его бодростью.

И сейчас, начав выздоравливать, и стоя опять перед неразбираемо-запутанной жизнью, Олег ощущал приятность, что есть такое блаженное местечко Уш-Терек, где за него подумано, где все очень ясно, где его считают как бы вполне гражданином, и куда он вернется скоро как домой, как *д о м о й*. Уже какие-то нити родства тянули его туда и хотелось говорить: *у н а с*.

Три четверти того года, которые Олег пробыл до сих пор в Уш-Терек, он болел — и мало присмотрелся к подробностям природы и жизни, и мало наслаждался ими. Большому человеку степь казалась слишком пыльной, солнце слишком горячим, огороды слишком выжженными, замес саманов слишком тяжелым.

Но сейчас, когда жизнь, как те кричащие весенние ишаки снова затрубила в нем, Олег расхаживал по аллеям медгородка, изобилующего деревьями, людьми, красками и каменными домами, — и с умилением восстанавливал каждую скучную умеренную черточку уш-терекского мира. И тот скупой мир был ему дорожее — потому что он был свой, до гроба свой, *н а в е к и* свой, а этот — временный, прокатный.

И вспомнил он степной *ж у с а н* — с горьким запахом, а таким родным! И опять вспомнил *ж а н т а к* с колкими колючками. И еще колче того *д ж и г* и *л ь*, идущий по изгороди, — а в мае цветет он фиолетовыми цветами, благоухающими совсем как сирень. И одурманивающее это дерево — *д ж и д у* — с запахом цветов до того избыточно-прямым, как у женщины, перешедшей меру желаний и надушенной безудержу.

ского кулака Губонина», который в 1873 году построил в Бежице (теперь — часть Брянска) один из крупнейших в России машиностроительных заводов. Кажется, и к «кулакам» отношение изменилось: в свое время их уничтожали с корнем, а теперь признают за ними заслуги. Приблизительно так же автор относится и к другому выдающемуся предпринимателю этих мест, к С. И. Мальцову, открывшему двадцать два завода: стекольные, хрустальные, бутылочные, содовые, фаянсовые, рельсово-прокатные, чугуно-литейные и другие. О Сергее Ивановиче Мальцове говорится, что он «талантливый русский капиталист» и что «заслуги Мальцова не отрицаются и в советской технической литературе» (стр. 140). А спутница по поезду объясняет название «Стеклоплатформа» вот так: «Радица — это от «радуницы», добрый человек, — день такой на первой неделе по Пасхе, Фоминной, аль родительской, когда усопших на кладбище поминают» (стр. 139).

Оттуда автор отправляется к другой достопримечательности «Мальцовской вотчины», в рабочий поселок Старь. О вагонах железной дороги он выражается, что они «должны быть остались еще от Мальцова». Железная дорога — тоже его нововведение: была у него и густая телефонно-телеграфная сеть, свои бумажные деньги, школы, богадельни, церкви, а посуда вывозилась и в Румынию, Болгарию и Турцию. В Старь влечет автора, конечно, тоже стекольный завод. Но тут его поиски директора завода принимают несколько неожиданный (по крайней мере для нас, там-то ко всему привыкли) оборот: директор уехал на «прополку в колхоз». Секретарь партбюро занят тем же: уехал полоть кукурузу в подшефном колхозе. Там же и начальник цеха, и мастер. Выясняется, что «С весны до осени... на заводе горячая пора — то посевная, то прополка, потом уборка начинается. И главный инженер (а почему собственно он избежал полки?) невесело комментирует положение: «У нас вроде маленького колхоза в колхозе. — Закрепили за нами землю, самые трудоемкие культуры — кукурузу, картошку. Вот и трудные... За колхоз, знаете ли, больше чем за план спрашивают!» (стр. 150). Удивительное положение: квалифицированные, казалось бы, люди, ответственные работники — а вот поди ж, самолично полют в колхозе. Я думаю, эту картину безнадежно даже было бы объяснить какому-нибудь владельцу завода на Западе: все равно не поймет. Да и полоть-то, вероятно, директор и прочие «знатные» заводские люди давно уже разучились. Кстати, о кукурузе; не надо забывать, что книга писалась в 1962-64 г. г., то есть в самый расцвет кукурузного увлечения Хрущева. Пока еще в 1961 году в Брянской области шли оживленные прения о том, может ли в этих местах произрастать кукуруза, автор приводит данные 1862 года, когда в «Орловских губернских ведомостях» была помещена статья об этом предмете, даже с указанием лучшего способа выращивания. Из своего собственного прошлого, автор вспоминает свою бабушку, которая «каждое лето лакомилась вкусными и сочными кийками, как зовут в наших краях это растение». Оказывается, кукуруза совсем не такая новость в этих краях; просто раньше ее сажали без всякой шумихи, частным порядком.

Немало страниц книги посвящено поэту, совсем не популярному у современной власти (да и не без оснований): Алексею Толстому; а в связи с Овстугом — Тютчеву. В Овстуге есть свой энтузиаст, которому удалось создать маленький музей Тютчева, а вот в толстовской усадьбе — дом отдыха. Г. Метельский нашел могилу А. Толстого в Красном Роге, по его словам — она почти не изменилась. Правда,

непосредственно за этим утверждением автор, слегка противореча себе, пишет: «... в азарте антирелигиозного наступления какие-то неумные люди снесли верх часовенки. Не так давно ее восстановили, покрасили и даже кое-как соорудили купол, но крест поставить побоялись, очевидно опасаясь, как бы кто не подумал, что граф Алексей Константинович Толстой верил в Бога. Очевидно, из этих же соображений в хорошем очерке о Красном Роге сказано о «деревянном, очень древнем здании с башенкой», стоящем возле склепа. При знакомстве в натуре таинственная башенка оказалась обыкновенным куполом, а здание церковью» (стр. 163). Г. Метельский храбрее; он даже признается, что посетил службу в ветхой церкви, где «старенький сельский попик поет дребезжащим голосом и усердно машет кадилом...» Но музей разочаровал Г. Метельского: это была маленькая пустая комната, содержимое которой, весьма небогатое, временно хранилось в другом месте. Тут же автор сообщает об учителе истории в соседнем селе, окончившем Московский университет, который выбрал для своей диссертации «не очень модную по тем временам тему «Философские взгляды А. К. Толстого». Учитель этот — местный уроженец и вполне естественно, что ему хотелось написать о своем знаменитом земляке. Автор едет с учителем в Почеп, чтоб «посмотреть на волшебных линий Воскресенский собор, построенный в XVIII веке...» Любопытны рассуждения Г. Метельского об архитектурных сокровищах русского захолустья и о судьбах этих сокровищ: «... в наших небогатых краях, подчас в захолустьях, в маленьких, незаметных городах и селах, пожалуй, чаще чем в других местах России, встречаются здания, созданные известнейшими архитекторами. Иные из этих зданий уничтожены временем, войнами, а то и просто ч е л о в е ч е с к о й г л у п о с т ь ю (курсив мой, Л. К.), как, например, церкви; иные дожили до наших дней.

Что влекло сюда прославленных русских зодчих? Неповторимая среднерусская природа, в которую так хорошо вписывались помещичьи гнезда, часовни и церкви, или все обстоит проще, и дело в знакомствах, в старой дружбе, связавшей зодчих с хозяевами этих усадеб? Так или иначе, но именно здесь, и особенно в русских уездах Черниговской губернии, были созданы такие шедевры, как величественный дворцовый ансамбль в Ляличах под Суражем, или интереснейшая усадьба Миклашевского в Понуровке, Стародубского уезда, или вот этот почепский собор со стремительно убегающей высь бело-снежной колокольней» (стр. 173). Хорошо хоть, что этот собор уцелел от разгрома; правда, из дальнейшего повествования выясняется, что икон в храме нет, как нет и колоколов на колокольне, за исключением одного.

Вспоминая старые названия улиц, автор с недоумением констатирует, что часть из них переименована, и не всегда удачно. К бывшей «Красной» улице добавили — Октябрьская, местная власть нашла, что так лучше; но еще несуразнее получилось с другим переименованием. Дело касалось улицы, вклинившейся в другую и поэтому естественно называвшуюся просто и ясно «Клином». Эту улицу переименовали в улицу имени Парижской коммуны. И автор восклицает: «Но, братцы, что общего между древней стародубской улицей с маленькими деревянными домами, потонувшей в садах, заросшей травой, пыльной летом и непроходимой из-за грязи осенью и весной, что общего между нею и Парижской коммуной?» (стр. 182-183). Общего, как будто, действительно маловато. А ведь сколько улиц переименовано и в других городах на тех же основаниях.

Размышляя о конопле по дороге в Десятуху, автор роняет такое вот признание: «Может быть, рациональное зерно постов и заключалось как раз в том, что на смену животному маслу приходило растительное, замедляющее старение организма?» (стр. 189).

Посещение очередного колхоза открывает новые интересные стороны сельского жителя-бытия: маленьких бычков гонят на убой и председатель вздыхает: «Ерунда получается. Их бы поддержать на хорошем корму еще месяца два, мяса раза в полтора поболее получили б. А приходится сдавать теперь. Потому квартал кончается. А по кварталу отчетность, сводки в газетах о выполнении плана по мясу и молоку...» На вопрос автора, большой ли план, он отвечает: «План что! План для нас пара пустяков выполнить. Вот обязательство... Раздули мы обязательство. Не по силам взяли.

— Брали то вы?

Он усмехается.

— Конечно, не Пушкин... Только, если по откровенности, так это обязательство за нас сверху продумали досконально. Вызвали куда следует и говорят: «Мы тут подсчитали с товарищами и пришли к выводу, что ваш колхоз может сдать государству столько-то мяса, молока и так далее. Посоветуйся с народом, обсуди». Гляжу, обязательства серьезные, трудные, прямо скажу, обязательства, против тех, что мы сами наметили, куда больше. «А поправки внести при обсуждении можно?» — спрашиваю. «Само собой, на то и обсуждение... Только, конечно, в сторону увеличения поправки принимать будем» (стр. 223-224). Нет, до чего демократично: даже обсуждать можно, вот только понизить нельзя. Выясняется, что такое же положение было не только в данном колхозе, а и по всей области.

Еще одна беглая зарисовка касается «Колхозного рынка»; там, среди других товаров, предлагает свой, совсем не стандартный товар, безногий заезжий мужичишка в выгоревшей гимнастерке; автор не договаривает, но, очевидно, это инвалид «Великой отечественной». А продает он вот что: самодельные лампы, сделанные из медицинских кровососных банок с цепочками из канцелярских скрепок, и поплавок, вырезанного из консервной коробки. Спрос есть и торговля идет довольно бойко...

Грустит автор об исчезновении местного говора, о том, что не услышишь больше местных песен. Поют парни и девки то, что поют повсюду: «Подмосковные вечера», «По долинам и по взгорьям», а когда подвыпьют: «Шулеи камыш» и «Вечер на рейде». Еще «кричат» частушки, особенно молодежь. А старики еще помнят старинные песни: иногда их записывают приезжие ученые и, таким образом, есть надежда, что они сохранятся для потомства.

В заключение хочется поблагодарить автора за все те ценные сведения как о прошлом, так и о настоящем маленького медвежьего уголка. Читая эту книгу, перед вами возникает захолустье, милая, тихая провинция, в прошлом запечатленная на неподражаемых страницах Тургенева, Гончарова, Лескова... Из этой книги мы узнаем о жизни, которая обычно скрыта от читателей советских книг и журналов — советские журналисты предпочитают писать о гигантских стройках и новых городах, и при этом отнюдь не в реалистических тонах. А посетителям-иностранцам в такие места тоже нет ходу. Таким образом, Г. Метельский как бы приподнял завесу, скрывающую от нескромных взоров значительную часть нашей родной страны, и сделал это с тактом и любовью к родным местам.

Людмила Келер

Как это удивительно, что русский, какими-то лентами душевными припеленатый к русским переселкам и полякам, к тихой замкнутости средне-русской природы, а сюда присланный помимо воли и навсегда — вот он уже привязался к этой бедной открытости, то слишком жаркой, то слишком продуваемой, где тихий пасмурный день ощущается как отдых, а дождь — как праздник, и вполне уже, кажется, смирился, что будет жить здесь до смерти? И по таким ребятам, как Сарымбетов, Телегенов, Маукоев, братья Скоковы, он, еще и языка их не знал, и к народу этому увязался, он под налетом случайных чувств, когда смешивается ложное с важным, под наивной преданностью древним р о д а м, понял его как в корне простодушный народ и всегда отвечающий на искренность — искренностью, на расположение — расположением.

Олегу — тридцать четыре года. Все институты обрывают прием в тридцать пять. Образование ему уже никогда не получить. Ну, не вышло — так не вышло. Только недавно от изготовщика саманов он сумел подняться до помощника землеустроителя (не самого землеустроителя, как соврал Зое, а только помощника, на триста пятьдесят рублей). Его начальник, районный землеустроитель, плохо знает деления на рейке, поэтому работать бы Олегу власть, но и ему работы почти нет: при розданных колхозам актах на в е ч н о е (тоже вечное) пользование землей, ему лишь иногда достается отрезать что-нибудь до колхозов в пользу расширяющихся поселков. Куда ему до м и р а б а — до властителя поливов мираба, спиной своей чувствующего малейший наклон почвы! Ну, вероятно, с годами Олег сумеет устроиться лучше. Но даже и сейчас — почему с такой теплотой вспоминает он об Уш-Тереке, и ждет конца лечения, чтоб только вернуться туда, дотянуться туда хоть вполздоровая?

Не естественно ли было бы озлобиться на место своей ссылки, ненавидеть и проклинать его? Нет, даже то, что вызывает, кажется, к свистящему бичу сатиры — и то видится Олегу только анекдотом, достойным улыбки. И новый директор школы Абел Берденов, который сорвал со стены «Грачей» Саврасова и закинул их за шкаф (там церковь он увидел и счел это религиозной пропагандой). И заврайздравотделом, бойкая русачка, которая с трибуны читает доклад районной интеллигенции, а из-под полы загоняет местным дамам по двойной цене новый крепдешин, пока не появится такой и в Раймаге. И машина скорой помощи, носящаяся в клубах пыли, но частенько совсем не с больными, а по нуждам секретаря как легковая, а то развоза по квартирам вермишель и сливочное масло? И «оптовая» торговля маленького розничного Орембаева; в продуктовом магазинчике его никогда ничего нет, на крыше гора пустых ящиков от проданного товара, он премирован за перевыполнение плана и постоянно дремлет у двери магазина. Ему лень взвешивать, лень пересыпать, заворачивать. Снабдивши всех сильных людей, он дальше намечает людей, по его мнению достойных

и тихо предлагает: «Бери ящик макарон — только целый», «бери мешок сахара — только целый». Мешок или ящик отправляются прямо со склада на квартиру, а записываются Орембаеву в оборот. Наконец, и третий секретарь райкома, который возжелал сдать экстерном за среднюю школу, но не знал ни одной из математик, прокрался ночью к ссыльному учителю и поднес ему шкурку каракуля.

Это все воспринимается с улыбкой потому, что это все после волчьего лагеря. Конечно, что не покажется после лагеря — шуткой? Что не покажется от-дихом?

Ведь это же наслаждение — надеть в сумерках белую рубашку (единственную, уже с продраным воротником, а уже какие брюки и ботинки — не спрашивай) и пойти по главной улице поселка. Около клуба под камышевой кровлей увидеть афишу: «Новый трофейно-художественный фильм...» и юродивого Васю, всех зазывающего в кино. Постараться купить самый дешевый билет за два рубля — и в первый ряд, вместе с мальчишками. А раз в месяц кутнуть — за два с половиной выпить в чайной, между шоферов-чеченов, кружку пива.

Это восприятие ссыльной жизни со смежом, с постоянной радостью у Олега сложилось больше всего от старичков Кадминых, гинеколога Николая Ивановича и жены его Елены Александровны. Чтоб ни случилось с Кадмиными в ссылке, они всегда повторяют:

— Как хорошо! Насколько это лучше, чем было! Как нам повезло, что мы попали в это прелестное место!

(Продолжение следует)

АНОНС!

АНОНС!

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ СПЕКТАКЛЬ
по случаю исполняющегося десятилетия театральной работы
Общества Друзей Русского Театра
30-го НОЯБРЯ 1969 г.

„ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ“

Комедия
В. И. НЕМИРОВИЧ - ДАНЧЕНКО

ОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

2-го октября с. г. состоялось объединенное заседание Правлений и Советов Директоров Представительства Российских Эмигрантов в Америке и Американско-Русского Союза Помощи и Правления Российского Зарубежного Представительства.

В порядок дня заседания входили следующие главные вопросы:

1. Произведенная за последнее время рассылка американским государственным и политическим деятелям английского перевода передовых статей журнала-бюллетеня Представительства "Русское Дело": а) содержащих критический анализ намерения Организации Объединенных Наций (ООН) честовать в 1970 году память Ленина за его "культурную и гуманитарную" деятельность. Наш протест против этого намерения был изложен нами в трех статьях, которые в английском переводе мы разослали всем делегатам Объединенных Наций, американским сенаторам, конгрессменам и отдельным политическим деятелям; б) им же был разослан английский перевод нашей статьи "О Правах Человека" и "Петиции 54-х" советских граждан, адресованной ими в свое время в отдел "Защиты Прав Человека" Объединенных Наций, но оставленной без ответа, как "неполученной" этим учреждением; в) кроме того, мы разослали английский перевод нашей статьи "Наше отношение к США".

Мы получили многочисленные ответы от получателей наших статей.

2. Устройство Американско-Русским Союзом Помощи благотворительного бала в Нью Йорке в пользу Союза Русских Военных Инвалидов.

3. О нашем невмешательстве во внутренние распорядки казачьих и других организаций, входящих в Представительство.

4. О происходящей в Москве конференции Международной ассоциации пре-

ИСПРАВЛЕНИЕ

На приеме представления книги С. А. Шпаковского "Женщина - воин" были упомянуты среди присутствовавших А. Ю. Янушевский с супругой, а также Т. В. Черкасова и К. К. Иванова, которые не представляли соответствующих организаций, но посетили этот прием в частном порядке.

ВНИМАНИЕ!

В воскресенье, 30-го ноября с. г., состоится АКТ окончания учебного года церковно-приходских школ. Подробности будут сообщены своевременно.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга
М. КАРАТЕЕВА
"ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО"
Сборник исторических очерков, 256 стр. Цена — 4 ам. долл., в Аргентине — 900 песо.

подавателей русского языка и литературы ("МАПРЯЛ"), созданной Советами для коммунистической инфильтрации в преподавание русского языка за границей.

5. Устройство "Дня Непримиримости" в ноябре с. г.

6. О 6-ти домах для престарелых Американо-Русского Союза Помощи в Глен Кове.

7. О кооптации в Совет Директоров Представительства В. Е. Гречко и В. С. Жукова.

По всем обсуждавшимся на заседании вопросам были единогласно вынесены положительные постановления.

Князь С. С. Белосельский
Председатель
А. В. Руммель
Генеральный Секретарь

LA BOLSA (CORDOBA)

Сдаются комнаты на летний сезон со всеми удобствами (горячая вода, постельное белье). Прекрасный фруктовый сад. Цены умеренные.

Интересующихся просим писать:
M. WAGANOFF
Chalet "MARINANDA" — La Bolsa Alta Gracia — Provincia Córdoba
Рекомендуется письмо посылать "expreso". Будет отвечено немедленно.

Розыски

КРАЙТОР Алексея Михайловича и жену его Грету разыскивает тетка.

Адрес — Ridge Rd., Parma 29, Ohio, USA — известен. Не откликаются. Прошу сообщить сведения в Редакцию газеты "Наша Страна".

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Riga quedará grabada en mi memoria por mucho tiempo. No sólo porque en esta ciudad por vez primera conocí el bolchevismo modelo 1941, sino también porque fué donde empezó a fortalecerse en mí el sentimiento de odio y aversión hacia los bolcheviques; sentimiento que, espero, nunca me abandonará.

(Continuará)

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Río de Janeiro по улице Corrientes.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ

Abogado y Ex-Juez de Tribunal

de Yugooslavia

TRADUCTOR PUBLICO

Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР

Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4

T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

Продается ДВУХЭТАЖНЫЙ ДОМ

в Belgrano.

Стоимость: 4.750.000 арг. песо.

Также продается мебель.

За справками обращаться по телефону 76-9471.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Base

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

От семьи Гротовых — 4 дол., от Ив. Дмитриева — 10,00 фр. За 2 проданные Представителем газеты в Австралии Е. Г. Фестом Альбома "Божией Милостью" — 10 дол., от А. Верховской — 10 дол., от кн. С. С. Белосельского - Белозерского (сентябрь) — 25 дол., от И. В. Матисова в память О. Н. Скаредова — 10 дол., от Б. К. — 2360 песо, от "Неизвестного" — 100 дол., от М. Ш. — 2000 песо, от И. И. Сикорского — 5 дол., от А. Ульриха — 20 нем. марок, от Магазины "РУСЬ" в Сан Франциско (М. Кингстон) — 50 дол., от о. Спиридона — 5 дол., от М. Марамбеовой — 3 дол., от князя С. С. Белосельского - Белозерского (октябрь) — 25 дол., от Б. Демченко — 300 песо.

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Казну Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

от о. Спиридона — 5 дол.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN

Docenta de Facultad de Odontología

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.

Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.

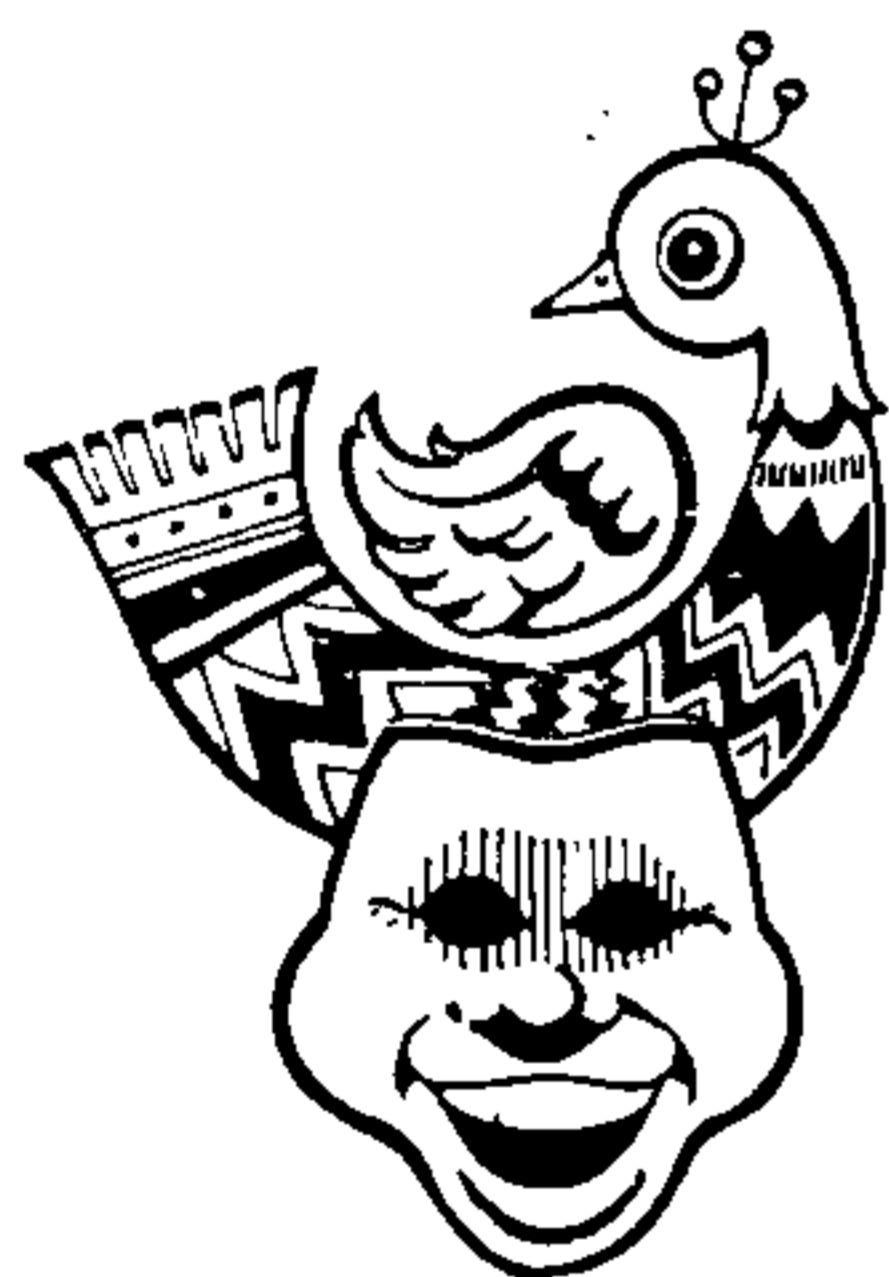
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

T. E. 88 - 3605

Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

РТДД

1969

Театральный зал ОРЮР — Calle Buenos Aires 2655, Olivos

МЫШЬЯК

Криминальная комедия в трех актах. Режиссер Г. Л. Лукин.

ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ ПЕРЕМЕНЕНЫ ДАТЫ
ПОСТАНОВОК:

В воскресенье 16 ноября в 16.30 часов.

В воскресенье 23 ноября в 16.30 часов.

Вход — 200 песо.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка для детей Аксакова, будет поставлена на Акте Русской Субботней Школы ОРЮР. Режиссер: Г. Л. Лукин.

В субботу 6 декабря в 17.30 час. Вход для детей бесплатный, взрослые — добровольное пожертвование в пользу РСШ.

Второй спектакль в воскресенье 7 декабря в 17 часов.

Вход: дети — 100 песо, взрослые — 250 песо.

**

Ограниченное количество мест (нумерованные). Заказы: А. В. Баумгартен и И. Н. Шмитов — 44-2061 и 44-6353 и А. В. Баумгартен — 32-0473 (вечером).

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

В субботу 25-го октября с. г. в Центре Русских Белых устраивается

ВЕСЕННИЙ БАЛ

Входная плата 300 песо, для учащихся 150 песо.
Начало в 21.30 часов.

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

В ЗАЛЕ С.-ТРОИЦКОГО СОБОРА

(Бразиль 315)

В воскресенье 2-го ноября с. г.

будет показан документальный, исторический фильм

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

и фильм

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОЙ ДОСКИ

(10-го августа с. г. в ЦРБ)

Начало в 17.30 часов

Вход 200 песо

Вышла из печати и поступила в продажу книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

"ЖЕНЩИНА-ВОИН"

Эта книга содержит ряд очерков о героинях женщинах всех эпох и народов.

Цена: 6 американских долларов; в Аргентине — 1200 песо с пересылкой.

Заказы адресовать:

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10 — Buenos Aires (30) — Argentina

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44 - 3213